

УШЛИ
Статистика
может вычи
каждого

только оцен
ниться в циф
жу. Уверен, чт
та. Действие
шлом году рос
в 2002-м. Сов
по показател
мире могут п
ми. Рост инве
ставил чуть б
ший задел дл
Это позв
социальной с
ные доходы н
ся с учетом и
декс цен. Ум
щих доходы
— с 25 до 20
огромна. Пол
гражданин ж
ужасно, но с

К сожалению, мы с отцом стали близки только в последние годы, после того, как он перенес клиническую смерть. Но даже этого времени не хватило, чтобы расспросить его обо всем. Много об отце мне рассказывал его друг Виктор Дубровский — его сейчас уже тоже нет в живых. Например, он поведал мне историю ухода отца из театра Маяковского. Многие думают, что Леонов ушел оттуда после съемок в рекламе магазина "Океан". И худрук театра Андрей Гончаров сильно рассердился на папу за этот поступок. Но на самом деле отец устал терпеть художественного руководителя. Гончаров достаточно жестко обращался с папой, также Андрей Александрович не одобрял его работу в кино. Бывало, во время репетиций Гончаров позволял себе при всех сильно накричать на отца. А мечта любого актера — попасть в доброжелательную атмосферу, где есть понимание. В этом случае отцу не пришлось бы пить успокоительные таблетки и так много курить...

— Евгений Павлович курил много?

— Недавно я просматривал документальный фильм про отца — так он там в каждом кадре курил одну за другой. Видимо, папа постоянно находился в таком нервном напряжении, что только сигарета спасала его. Отец все время переживал из-за работы в театре, его беспокоили отношения с худруком. Конечно, позже курение сказало на его здоровье. За несколько лет до смерти у него открылась язва. Кстати, глядя на него, я тоже начал курить.

— К тому, что сын начал курить, Леонов относился спокойно?

— Я тогда поступил на первый курс Щукинского училища. Так получилось, что я сразу стал выпивать, курить и развратничать. Однажды я при отце закурил. Папа посмотрел на меня внимательно, а потом как плюнет в меня! И больше не сказал ни слова. Но курить тогда я не бросил.

— Он вмешивался в вашу личную жизнь?

— Он был тактичным и деликатным человеком, поэтому никогда не задавал мне ненужных вопросов, тем более если это касалось моей личной жизни. Я достаточно поздно начал интересоваться девочками. Мне стукнуло девятнадцать, когда я сказал отцу: "Папа, я сегодня ночевать не приду". Он посмотрел на меня грустными глазами и сказал: "Сынок, только береги пилы". И все. На этом мое сексуальное воспитание закончилось.

— Он пытался воспитывать вас?

— Честно скажу, как такового воспитания не было, не получалось у него. Если он начинал меня чему-то поучать, я лишь махал рукой и говорил: "Ну все, папа, хватит уже, надоело". Помню, он учил меня водить машину. Это был настоящий кошмар! Мы часто создавали аварийные ситуации на дороге, потому что отец все время мне под руку бормотал: "Сынок, хватит, не гони, уже столбы мелькают перед глазами, ты едешь больше 40 км/ч". Если я собирался чихнуть, он заставлял меня нажимать на тормоза... Вообще, его воспитательная работа сводилась к тому, что он постоянно рассказывал мне истории из своей жизни даже не по десять раз, а по сто. Меня это жутко раздражало, но в итоге многие его рассказы надолго отложились в моей памяти.

— Леонов сам водил машину?

— Водил, но зимой боялся ездить. Выехать он рисковал лишь однажды. Я тогда служил в армии за 300 км от Москвы. Так он аж несколько раз приезжал ко мне, привозил какие-то гостинцы.

"Он ни на кого не держал зла"

— В одном интервью Евгений Павлович рассказывал, как в детстве его ударил мальчик, а он не смог ответить. Он во всем был таким мягким человеком?

— Во всем. Я помню более жуткую историю. Однажды он возвращался с нашими космонавтами из Ленинграда. Все собрались в одном купе. Космонавты тогда сильно напились, и один из них плеснул в отца водкой. Папа не ответил ему, но его сильно огорчил этот случай. Мне было больно, обидно за отца. Позже я спрашивал его, почему он не ответил этому человеку. Отец пожимал плечами: "Мне было неудобно как-то".

— Сам он мог обидеть человека?

— Да, был один случай. Когда он получил орден Ленина, то решил отметить это событие в ресторане на Пушкинской. Там он немного выпил с друзьями. Возвращался домой на такси. Водитель узнал его и, чтобы не ехать в объезд, решил ради отца нарушить правила. В итоге машину остановил гаишник. Отец стал упрашивать постового: "Простите водителя, это он ради меня нарушил правила". Гаишник даже не повернулся в его сторону: "А вы вообще молчите, сядьте на свое место!" — "У меня сегодня такой важный день, я премию получил", — канючил отец. "Да кто вы такой, я вас вообще не знаю!" — закричал постовой. Тут отец не выдержал и довольно резко сказал: "Не знаете — да потому, что вы говно!" Если бы вы видели, как сильно папа потом переживал, что оскорбил человека. Больше он ни разу не позволил себе подобного.

— Говорят, сам Леонов никогда не прощал нанесенной ему обиды?

— Неправда: у него было настолько доброе сердце, что, если его смертельно обижали, на следующий день вся злоба в нем моментально рассасывалась. Он ни на кого не держал зла. Не таким он был человеком.

— На него люди тоже не обижались?

— Был один эпизод. Помню, как-то мы с отцом были в "Останкино", там к нему подошел из-

Андрей ЛЕОНОВ:

ДЛЯ ОТЦА
ДЕЛИКАТЕСОМ

БЫЛА
КАРТОШКА
С ТУШЕНКОЙ

"Отец страшно баловал внука Женю".

вестный телеведущий с просьбой взять у папы интервью. Отец мне тогда шепнул: "Не хочется мне ничего говорить". "Ну ты так и скажи", — посоветовал я. "Да неудобно, неловко", — мялся он. Вдруг я на что-то отвлекся, поворачиваюсь — отца рядом нет. Смотрю, а он бежит что есть силы по коридору. Так он сбежал от телеведущего. Думаю, тот на него обиделся...

— Леонов был впечатлительным?

— Очень — мне это передалось по наследству. Вы не поверите, но он так волновался перед выходом на сцену, что его часто подташнивало перед спектаклем.

— Что его могло растрогать до слез?

— Я никогда не видел на его глазах слез — при мне он всегда сдерживался. Даже когда умерла его мама, он ушел плакать в лес. Конечно, он часто расстраивался, был очень ранимым, как ребенок. Однажды ему пришло письмо от зрителей, где говорилось следующее: "Вы плохо сыграли эту роль, где вообще берут таких актеров, как вы..." — и так далее. Такие письма его сильно расстраивали. А еще у папы был спектакль, в котором его герой отказывается от премии. Так через несколько дней пришло письмо: "Леонов, ты что от премии отказался? Чтобы Государственную хапнуть?..." Он болезненно переживал каждое неосторожно брошенное слово.

— Евгений Павлович совсем не пил?

— Если пил, то очень редко. Например, мог раздавить бутылочку с продавцами на рынках. Кстати, там у него много друзей работало. Ведь он часть жизни провел на рынках да в магазинах. Я его только с сумками и видел. Правда, в очередях он не стоял и номеров на руке не записывал. Даже будучи за границей, он возвращался с огромными баулами подарков, но ничего полезного так ни разу и не привез. После таких поездок мама спрашивала: "С кем ты там все время советуешься, если привозишь такую ерунду?!" Когда родился внук Женя, он привозил в нашу однокомнатную квартиру какое-то несметное количество игрушек. Он баловал внука страшно. Но вот гулять с ним боялся. Постоянно говорил: "А вдруг на него сосулька упадет?!" Хотя скорее всего он боялся за свое здоровье — ведь у него часто случались приступы стенокардии.

— Вы сказали, что отец постоянно ходил по рынкам? Он любил хорошо покушать?

— В еде он был примитивным. Больше всего ему нравилось блюдо — тушенка с картошкой. Для него это считалось деликатесом. Вообще, он тоннами приносил продукты, потом все это, конечно, портилось. Папа очень любил гостей, поэтому у нас в доме холодильник всегда был забит едой. А уж если ему перепали какие-то редкие продукты, то он затаривался по полной программе. Например, если давали бананы, то он мог оторвать целый ящик. Отец любил поесть, но самое вкусное оставлял нам с мамой.

— Он не комплексовал из-за полноты?

— Нет. Он всегда втягивал живот и говорил:

ЛИЧНОСТЬ

"А у меня и живота нет". Ну, конечно, когда выпускал воздух, становилось видно, что живот имеется и вообще был всегда.

— Кто был главой вашей семьи?

— Главой семьи была мама, к ее мнению прислушивались все. На втором месте по значимости стоял я. Ну а папой в нашей семье всегда помыкали. Вообще, отец в семье был миротворцем. Мы с мамой — очень темпераментные люди и во время ссоры сильно кричали друг на друга. Бедному папе, вместо того чтобы отдохнуть, почитать книгу, приходилось вставать с кровати, выходить на кухню и тяжело вздыхать: "Ну что у вас опять случилось?..."

— Леонов хорошо зарабатывал?

— Хорошо, но эти деньги быстро исчезали. Самое большое наше приобретение — это дача. Причем отцу предлагали выделить государственную дачу на Рублевке, но он отказался. В ре-

Главой семьи была мама, на втором месте по значимости стоял я.

зультате на собственные деньги купил участок.

— Он легко расставался с деньгами?

— Он сам любил повторять: "Я не жадный — я хозяйственный". Конечно, он не был скрягой. Все, что он зарабатывал, отдавал нам. Семья для него была превыше всего, даже превыше работы. Когда мне исполнилось 14 лет, я попросил у него мопед. Я тогда жил на даче в Давыдовке, что в 80 км от города. Помню, в тот день отец с мамой приехали ко мне из Москвы, а мопед не купили. Я очень расстроился. И отец в свой единственный выходной день поехал обратно в Москву за этим чертовым мопедом...

"К концу жизни у папы практически не осталось друзей"

— За пять лет до смерти Евгений Леонов пережил клиническую смерть?

— Это была страшная история. Она стала переломным моментом в папиной жизни. Труп театра "Ленком" выехала на гастроли в Германию. Отец отыграл два спектакля, а на третьем я его не увидел. Перед этой поездкой мы сильно поспорились и не общались несколько дней. Что-то недоговорили, не поняли друг друга... Оказалось, что в тот день у него начался сильный кашель, к нему вызвали врача, который заподозрил у него воспаление легких. Отца тут же отправили в госпиталь в Гамбурге. Во время рентген-снимка у него остановилось сердце. Если бы это случилось на улице, его бы вряд ли удалось спасти. Это был инфаркт миокарда. Его тут же подключили к аппарату искусственного дыхания. На девятый день его решили снять с аппарата, но он не смог самостоятельно дышать. Доктор сказал, что пациент пребывает в коме. Девятнадцать дней он не выходил из этого состояния. Потом у него открылась язва, на правой ноге началась гангрена... Врач сказал: "У нас есть один

шанс из тысячи. Надо проводить операцию коронарного шунтирования. Если он выдержит начальный, предоперационный этап, то выживет". В итоге в его сердце вживили пять шунтов. И произошло чудо. Папа открыл глаза. Через три дня мы стали вывозить его на коляске...

— Все это время вы находились рядом?

— Да, а через неделю приехала мама. Кстати, немцы сделали для отца все что могли. Директор театра, на чьей сцене мы играли, оплатил все расходы из собственного кармана. Тогда же он спросил: "Может, русские что-то сделают со своей стороны для великого актера?..." Но нам никто не помог. У нас даже не хватало денег, чтобы оплатить проживание в гостинице. Мы вынуждены были переехать в квартиру к немцам, которые в это время выехали в Россию. Немецкие врачи тогда прописали отцу строгую диету, но он на все махнул рукой.

— Неужели после всего пережитого он по-прежнему не уделял своему здоровью должного внимания?

— Он наплевательски относился к своему здоровью, абсолютно не следил за собой. Мама часто ругалась с ним из-за этого. Ведь как только он вернулся из Германии в Москву, сразу начались разлады. Он не мог усидеть дома. Кстати, из-за его болезни ни разу не отменили спектакль в театре. Отец мог выйти на сцену с температурой сорок и говорил при этом: "Температура — это моя проблема, а театр есть театр, и я обязан работать". В таких случаях мама просила его: "Пускай за тобой хоть машину пришлют". Отец, как всегда, отвечал: "Да ладно, неудобно людям беспокоить..." И сам садился за руль.

— У него были друзья в актерской среде?

— Одним из его близких друзей был актер Евгений Урбанский. Но он достаточно рано погиб. К концу жизни у папы практически не осталось друзей — самыми близкими людьми были только мы с мамой. Что говорить, если его хорошая приятельница стала писать на него анонимки! Это грязная история, и я не хочу ее вспоминать. От него многие отвернулись после операции, а ведь когда-то он помогал всем знакомым получать квартиры, выручал их деньгами... Врачи говорят, что после такой серьезной операции у человека страдает головной мозг. У отца действительно поменялось восприятие мира — он сильно изменился за последние пять лет. Да еще получилось так, что как раз в это время его перестали снимать. Сам он все чаще повторял: "Я теперь никому не нужен". Он чувствовал себя потерянным.

— Но ведь он и сам стал отказываться от ролей?

— Конечно, у него появился страх. Папа даже у врача спрашивал: "Я вот кричу на спектакле, у меня от этого ничего не оторвется внутри?..." Ведь он понимал, что пережил клиническую смерть, и всегда говорил: "Вот Бог мне дал немножко времени пожить". А незадолго до смерти он был в Риге — там ему один врач сказал: "После такой операции люди живут не больше пяти лет". Он столько и прожил. Хотя, наверное, если бы он каждый год ездил в Германию на обследование, соблюдал диету, принимал вовремя лекарства — прожил бы гораздо дольше. Я до сих пор помню, как он с Николаем Караченцовым летал в Америку и дома забыл лекарства. В самолете начались серьезные проблемы. Отца чудом спасли.

— Можно сказать, что последние пять лет он жил на таблетках?

— Конечно. Но диету не соблюдал, а у него к тому же был сильный сахарный диабет...

— Правда, что до конца своих дней он играл "Поминальную молитву" в "Ленкоме"?

— Он там не просто играл — он кричал, тратился и напроцех забывал о своем больном сердце.

Ирина БОБРОВА.